

В тот момент, когда двое всадников, мчась на полном скаку, покинули пределы дворца, от сердца Фэн Мина разом отхлынуло волнение обо всех холодных битвах и интригах дворца.

Искусство верховой езды господина Жуна изумляло своей отточенностью. Обнимая одной рукой Фэн Мина, а в другой держа вожжи, мужчина мчался вперёд навстречу ветру, окутывавшему их пронзительным холодным дыханием.

Фэн Мин поднял голову, высовываясь из объятий тёплого плаща господина Жуна, в который был крепко укутан, и разрушил царящую в округе тишину своим радостным кличем:

— Когда наступит весна, здесь появится зелёная трава, украшенная множеством прекрасных ало-жёлтых цветов, пробуждающих чувство восхищения. — Господин Жун остановил коня. С большой осторожностью держа в своих объятиях Фэн Мина, он спустился на землю и указал на открывшуюся перед их взором широкую равнину.

— Но сейчас, похоже, здесь ничего нет. Лишь голая земля, — сказал Фэн Мин, не беря в счёт высохшую до желтизны траву.

За пределами дворца любовь и нежность господина Жуна обострились. Теперь он мог выражать их без опасений. Если раньше все думали, что они были просто любовниками без чувств, теперь регент был влюблён без памяти, и подобное могло плохо отразиться на Фэн Мине. Любовь во дворце часто используют в качестве оружия или рычага давления.

— Правильно, — произнёс мужчина, — сейчас зима, и поэтому здесь ничего нет. Весной здесь всё оживёт и расцветёт. Разве всё живое на земле не возникает от желания одного хрупкого зёрнышка прорасти?

— Может, именно из-за воли к жизни. — Юноша задумался и хотел было похвастаться своими знаниями, сказав пару фраз: «Огонь не может полностью сжечь траву, весенние ветры снова дают ей жизнь», но вовремя вспомнил, что эти слова принадлежат другому человеку, а не ему, и юноше стало стыдно присваивать их себе, поэтому он просто промолчал, отбросив в сторону эту мысль.

Байюнь, изредка взмахивая хвостом, пасся в стороне и ел засохшую траву. Животное тихо крутилось рядом с господином Жуном. Похоже, что конь ревновал к Фэн Мину, занявшему его место в сердце регента.

А вот в глазах Фэн Мина Байюнь был привлекательнее господина Жуна. Машинально вытянув руку, юноша хотел было поймать белоснежный конский хвост, который то и дело высоко вздымался в воздух, но, будучи любимой лошадейю господина Жуна, всегда гордый и высокомерный Байюнь внезапно повернулся и хлестнул Фэн Мина хвостом по лицу.

— Осторожно. — Господин Жун подозревал, что Фэн Мин мог спровоцировать коня. С улыбкой на лице он быстро заслонил своего возлюбленного от задиристого Байюня, разнимая их и рубя

разгорающуюся перепалку на корню.

Так и не поймав хвост Байюня, Фэн Мин негодуяще уставился на коня и сказал:

— Он презирает меня!

— А кто тебе сказал, что ты можешь задирать его? Лошадь — очень своенравное животное, тем более Байюнь. Он самый лучший конь.

— Меня вымораживает то, что какая-то лошадь смотрит на меня сверху вниз. — Юноша сквозь зубы произнёс: — Я хочу прокатиться на Байюне. Ты сказал, что сегодня позволишь мне прокатиться на нём.

Слова юноши заставили господина Жуна сощурить глаза.

— Ты прошлой ночью получил «ранение». Неужели ты ещё в силах кататься верхом на лошади?

Вспомнив про своё неприличное «ранение», Фэн Мин стал ещё злее, чем был, и, схватив господина Жуна за грудки, угрожающе сказал, хотя сам толком не доставал ему до плеча:

— Я хочу прокатиться на лошади. И пока я сегодня не прокачусь на ней, я не успокоюсь.

Зная о напористом характере Фэн Мина, мужчина поднял руки в знак поражения:

— Хорошо, я возьму тебя с собой, и мы сделаем круг. Что скажешь, если мы проедемся вокруг этой горы?

Взобравшись на коня, мужчина посадил перед собой Фэн Мина и обнял, прижимая его к тёплой груди.

Переживая за раненое тело Фэн Мина, господин Жун не стал бешено гнать коня, только позволил Байюню медленно идти вперёд. По пути мужчина знакомил Фэн Мина с окружающими видами и заодно местными условиями и нравами королевства Силэй.

— Само собой, река Силэй является крупнейшей из всех рек Поднебесной. У неё два берега с очень плодородной землёй. Всё земледелие в Силэй целиком и полностью зависит от речной воды.

Фэн Мин поглядел вдаль и действительно увидел одну большую реку, которая, извиваясь, тянулась к востоку от городской стены. По обе стороны реки располагались крестьянские

наделы. Хотя сейчас была зима, на полях ещё работали крестьяне. Сам Фэн Мин ничего не знал о земледелии, поэтому смотрел на это всё без малейшего интереса. Переведя взгляд с крестьянских наделов, Фэн Мин поглядел на высокие цепи гор, что тянулись к горизонту и находились за пределами сельскохозяйственных угодий.

— Смотри, как много гор. Как только весна придёт, мы с тобой вместе взберёмся на них просто так, для развлечения.

— Ты всегда думаешь только о развлечениях. Весной наступит твой восемнадцатый день рождения. Ты понимаешь, что это значит?

Опять политика... Фэн Мин нахмурил брови, и, повернув голову, посмотрел на господина Жуна:

— И что же это значит?

— Когда наследному принцу исполняется восемнадцать лет, он получает право взойти на престол.

— О, я знаю, только после этого я верну тебе трон, верно?

Глядя на несчастную мордашку Фэн Мина, господин Жун рассмеялся и, с нежностью погладив юношу по спине, сказал ему:

— Фэн Мин, в следующем году, как только выдастся момент и ситуация с властью в Силэй стабилизируется, обещаю... Нужно лишь подождать до марта следующего года. Знаю, это будет нелегко.

— Будь добр, не говори о таких серьёзных вещах. Мы приехали сюда, чтобы развеяться. Или ты из тех, кто, работая, не забывает про развлечения, а развлекаясь, не забывает про работу? — запротестовал Фэн Мин.

Господин Жун в знак извинений погладил Фэн Мина по голове.

Эти двое были фактически одного возраста, только манеры держать себя у них были разные. Глядя на регента, чувствовалось, что он серьёзнее, опытнее и взрослее Фэн Мина.

Пока Фэн Мин смотрел на господина Жуна, к нему в голову внезапно пришла мысль: «Господин Жун вырос среди дворцовых интриг и войны за власть, да к тому же его приходилось скрывать и прятать от врагов. Если говорить, кто в этой эпохе самый несчастный подросток, так это он».

Окинув мужчину сочувствующим взглядом, Фэн Мин решил сменить тему разговора:

— Куда, ты сказал, мы поедем?

— Ты сказал, что весной хочешь подняться в горы.

— Да, верно. Когда настанет весна, эти горные склоны, наверное, выглядят потрясающе, — глупо хихикнул Фэн Мин.

Господин Жун вздохнул.

— На первый взгляд все эти горы хороши, но, тем не менее, не вызывают никакой симпатии. Большую часть границы Силэй занимают горы, пахотной земли мало. Из-за этого каждый год нам едва хватает еды, а если мы сталкиваемся с неурожаем, нам приходится обращаться к соседям и за большие деньги покупать еду.

Фэн Мин поднял взгляд и посмотрел вдаль, и действительно, лишь по берегам реки Силэй располагались поля.

— Хоть это и горная местность, земля там, должно быть, всё равно плодородная. Так почему же не использовать её в качестве полей?

— Склоны гор имеют откос, как можно на них выращивать зерно? Да и земледелием на них неудобно заниматься, к тому же, как их орошать, если эта земля так высоко над рекой?

Фэн Мин без раздумий выдал:

— Так преобразуйте горную местность. Разве нельзя создать на них террасированные поля?

— Э? — Услышав непонятные слова Фэн Мина, господин Жун воодушевился: — Что за террасированные поля?

Этот вопрос заставил Фэн Мина выпалить, что Силэй отсталое государство, и тут же, брызжа слюной, начал рассказывать, что из себя представляют эти самые террасированные поля, и как их создать. Но после неудачного объяснения юноша попросил господина Жуну сойти с коня и уже на земле, усевшись на корточки, стал маленьким камнем рисовать картину полей.

Рассказав господину Жуну о конструкции террасированных полей, которые юноша видел раньше, Фэн Мин попросил мужчину усадить его обратно на спину Байюня и отправиться дальше.

— Остановись здесь. — Поднявшись на небольшой склон, Фэн Мин пожелал вновь спуститься с коня. После чего, взяв в качестве примера местность, что была перед ними, подробно объяснил структуру террасированных полей.

Господин Жун слушал и непрерывно кивал головой, восхищённо улыбаясь.

Похоже, что даже Байюнь понимал, что этот мальчишка сейчас демонстрирует свои способности. Опустив голову, животное одиноко паслось в стороне и не приближалось к Фэн Мину, чтобы занять своё место рядом с господином Жуном.

— Что такое террасирование полей, я уже понял, однако, что касается орошения...

— Орошение является огромной проблемой в сельском хозяйстве. Я сглупил, не рассказав тебе об этом. — Фэн Мин подвергся влиянию господина Жуна и сейчас, говоря об очень важном деле, с необычайной серьёзностью говорил: — Насколько мне известно, в развитии земледельческого орошения есть несколько способов: водяное колесо и оросительные каналы. Вспахивая поля на склоне горы, мы можем использовать парочку самых наипростейших способов. Первый способ — на склоне горы построить крупное водохранилище, в которое будет собираться дождевая вода и орошать поля, однако можно использовать водяное колесо или либо применить что-то ещё, что поможет поднимать воду в горы.

Хлопая в ладоши, господин Жун засмеялся:

— Хоть я и не понимаю, о каком водяном колесе и оросительном канале ты говоришь, но скапливать дождевую воду в горах, чтобы поднять пахотные земли, вполне осуществимо. Если это сработает, Силэй будет процветать!

Договорив, мужчина протянул руки, взяв за руку Фэн Мина, посмотрел на величественные горы и со вздохом сказал:

— Фэн Мин, благодаря твоим словам множество этих пустынных гор могут быть засеяны зерном. Ты для Поднебесной и национальной политики очень важен. — Эти слова были преисполнены благодарности.

Фэн Мин, невольно возгордившись собой, ответил:

— Конечно. Я же всё-таки хочу помочь тебе стать легендой на все времена.

Господин Жун заметил, что Фэн Мин, только что проявив свои способности, внезапно снова стал вести себя, будто дитё малое, и ощутил, как в душе разливается тёплое чувство. Тотчас же обвив руками стан Фэн Мина, он притянул юношу к себе и легко сказал:

— Террасирование полей станет важным шагом в истории государства. А что, если мы сделаем что-нибудь, что навсегда останется только в нашей памяти?

— Что именно?

— Конечно же что-нибудь романтическое [1] ... — И с улыбкой на лице господин Жун склонился, нависая над Фэн Мином.

Фэн Мин, оказавшись на сухой траве, понял, что регент собирается сделать. От этого его лицо залилось краской, и юноша смущённо пролепетал:

— Ты даже не стесняешься делать это среди бела дня. Да ещё в придачу я только вчера получил «ранение»...

Но Фэн Мин не успел договорить, как его поспешили заставить замолчать ласковым поцелуем.

Рука господина Жуна тихо скользнула под ворот платья Фэн Мина, и пальцы его принялись ласкать чужие соски, зная, что юноша не пожелает открыто противиться.

— Ах... — Почувствовав на груди эти похотливые лапы, Фэн Мин не сумел сдержать тихого стона. Румянец, что окрашивал скулы, спустился ниже, заливая тонкую шею.

Господин Жун лишь чувствовал, как от огня, что скопился внизу живота, тотчас же поднялось его естество. Пылая страстью и понимая, что с Фэн Мином нельзя спешить, мужчина только и мог, что приподнять бёдра юноши и проводить по ним руками, лаская их через слои одежды. Мужчина не прерывал поцелуя, сминая губы Фэн Мина, которые никогда ещё не познавали такого рая.

Под натиском искусных ласк господина Жуна Фэн Мин на мгновение сдался и больше не старался вырваться или как-то защитить себя, полностью забыв про своё вчерашнее «ранение».

Господин Жун развязал накидку, дарованную императрицей, и расстелил её на земле. И вот когда он, держа на руках обессиленного Фэн Мина, уложил его на тёплую накидку, внезапно раздался стук конских копыт.

Звук становился всё громче и громче, и, как оказалось, всадник мчался прямо к ним.

Господин Жун невольно нахмурил брови.

Регент, взяв с собой Фэн Мина, покинул дворец. Хоть и говорилось, что они всего лишь вдвоём решили поразвлекаться, но в тайне от принца на самом деле за ними отправились два отряда телохранителей. А если всадник сумел прорваться сквозь охрану, то это означало, что во дворце наверняка появились дела, которые не терпели отлагательств.

У людей, занимающих высокий пост во дворце, нет права на личную жизнь.

Господин Жун с любовью поглядел на Фэн Мина и тяжело вздохнул — удобный момент был испорчен, и ему ничего другого не оставалось, как снова взять Фэн Мина на руки и, набросив на его плечи накидку, хорошенько завязать её, тепло укутав юношу.

Тоже услышав звук лошадиных копыт, Фэн Мин понял, что на этом их ласки закончены, и опечалился.

Они вместе оседлали Байюня.

Когда скакун уже настиг двух мужчин, выяснилось, что всадником действительно был дворцовый слуга, который прибыл, чтобы доложить очень важные новости.

Слуга натянул поводья, останавливая лошадь и спешившись.

— Приветствую Ваше Высочество наследного принца, приветствую господина Жуна.

Регент гневно нахмурился.

— Что случилось?

— Слушаюсь, господин Жун! Во дворец поступили новости, что младший брат Его Величества, принц-консорт Фаньцзя Ань Сюнь направляется в Силэй и уже скоро въедет в столицу.

Как только Фэн Мин это услышал, у него в голове пронеслась мысль: «Я ведь только сегодня утром услышал про этого человека, и вот после полудня он уже здесь. Ань Сюнь является мужем принцессы Фаньцзя, и неизвестно, приехала она с ним или нет».

— Ясно. Мы с наследником престола сейчас же вернёмся во дворец и поприветствуем его.

Сегодняшний план отправиться на прогулку потерпел неудачу, и господин Жун вместе с Фэн Мином отправились обратно во дворец.

Примечание:

[1] Это слово имеет очень развратный подтекст в китайском языке.

<http://bllate.org/book/13377/1190045>